

<i>Дата смерти</i>	<i>Фамилия, имя</i>	<i>Возраст</i>	<i>Причина смерти*</i>
23.09.1919	Селяш Януш	27	Сыпной тиф
27.09.1919	Дохотар Алексей	не указан	Чахотка
30.09.1919	Берток Иштван	40	Воспаление легких
06.10.1919	Буза (Боза) Янош	29	Дизентерия
15.10.1919	Кеплер Иозеф	44	Туберкулез легких
16.10.1919	Штахер Франц	30	Сыпной тиф
17.10.1919	Бергер Отто	26	Воспаление легких
18.10.1919	Кузю Николай	32	Туберкулез легких
27.10.1919	Плевнак Карл	32	Воспаление легких
15.11.1919	Юзиф Каплун	44	Туберкулез легких

Брачность и рождаемость

Едва ли будет большим преувеличением сказать, что участие пленных иностранцев в матриониальном и репродуктивном процессах является наиболее сложной для изучения частью их коллективного портрета. Действительно, брачность/разводимость и рождаемость в интерьере плена выглядят не очень уместными, поскольку сам по себе социо-правовой статус отвоевавшихся вражеских военнослужащих ограничивал свободу их демографического поведения. Но ограничивал не значит исключал.

Действительно, в условиях войны, когда «брачный рынок» трансформировался в сторону избытка невест, молодые в массе своей пленные просто не могли не превратиться в потенциальных женихов. Однако реализации их брачных потенциалов препятствовал закон, оставляя пленных иностранцев за бортом брачных выборов. В таких условиях альтернативой законному браку стало общественно порицавшееся сожителство пленных и россиянок, в котором, кстати говоря, были замечены не только девицы, но и замужние женщины. Это, безусловно, не добавляло гармонии брачным отношениям, а напрямую способствовало росту разводимости. «Я не могу перенести позора за жену. Пусть она уже с нашими врагами распутничать идет, передавать им нужные сведения, но не под моей фамилией... Я отказываюсь от своей жены, дабы не иметь на себе того грязного пятна, которое положила на себя моя жена», – писал, испрашивая в Пермской духовной консистории разрешение на развод, старший аптечный фельдшер 2-й Туркестанской стрелковой артбригады Д. Некрасов, заподозривший свою супругу Клавдию, телеграфистку ст. Верхотурье Богословской железной дороги, в связи с военнопленным¹⁴.

Запрет на браки между пленными и россиянками помимо всего прочего обрекал последних на одинокое материнство. Власти спохватились лишь в середине 1917 г., когда «опасные связи» пленных иностранцев и русских женщин стали очевидной проблемой. Правда, узаконить свои отношения с гражданками свободной России позволялось только пленным славянам, взятым на поруки или подавшим прошения о получении российского подданства. «В некоторых случаях, если просьба о браке мотивируется нравственной необходимостью, а также иными побуждениями, браки могут быть разрешаемы и пленным, не принадлежащим к указанным категориям», – гласил документ¹⁵. Сказать, что с его выходом метрические книги местных церквей запестрели записями о браках с военнопленными, было бы большим преувеличением. Статистическая брачность пленных продолжала уступать фактической, поскольку сама социально-политическая ситуация в стране и регионе способствовала распространению гражданских браков. «В деревню Мишагину [Шадринского уезда] я приехал в 1919 г., 8 июня, как военнопленный, [куда мы] командированы были из лагерей на полевые работы, [...] я оставался работать у гр[аждани]на Мишагина Василия Григорьевича, но, побыв у него один месяц, перешел к гр[аждан]ке Мишагиной Агафье Игнатьевне, у которой в то время мужа не было, потому я начал работать у нее в хозяйстве и до настоящего времени нахожусь у ней, потому как ее муж со службы не вернулся, и я с ней живу как с женой уже 8-й год, но членом Мишагинского земельного общества не числюсь до сих пор, документов на руках никаких не имею...», – сообщал о себе бывший венгерский военнопленный Имре Беретваш, ходатайствуя о приобретении советского гражданства в 1926 г.¹⁶ Австриец Степан Дьячук, проживавший в деревне Шахматовой Каргапольского района Шадринского округа Уральской области, также был

женат «незарегистрированным браком», равно как и другой австриец, Яков Шмидт, обосновавшийся в с. Ключевском (Ключи) Далматовского района того же округа и области¹⁷.

При очевидной проблематичности установления коэффициента брачности военнопленных можно уверенно говорить о типичных для них закономерностях брачного выбора. Выбор этот практически в любом случае предполагал мезальянс – и прежде всего мезальянс этноконфессиональный. Кроме того, невозможность свободного изменения демографического статуса, диктуемая режимными особенностями плена как такового, удлинила безбрачный период жизни пленных и способствовала широкому распространению неравных браков между ними и русскими невестами. Скучные сведения табл. 3 показывают, что в 25% случаев разница в возрасте между супругами измерялась двузначными числами и доходила до показателя в 20 лет.

Таблица 3

Семейные пары, образованные пленными иностранцами и российскими гражданками (1917–1922 гг.)¹⁸

Муж	Год рождения	Жена	Год рождения	Разница в возрасте
Байч Николай	1894	Клавдия	1897	3
Вехнер Юзеф	1892	Евгения	1885	7
Гриншпунт Южак	1881	Афанасия	1901	20
Гроссек Антон	1890	Мария	1895	5
Добош Иосиф	1893	Анна	1901	8
Кецери Стефан	1897	Мария	1891	6
Коваси Георгий	1880	Екатерина	1871	9
Конд Лазарь	1887	Фроня	1880	7
Корн Карл	1894	Анастасия	1896	2
Котбауэр Эрнст	1885	Мария	1899	14
Крени Франц	1895	Анна	1893	2
Левковский Виктор	1890	Софья	1902	12
Локом Иосиф	1892	Розалия	1892	0
Лутершмидт Йозеф	1883	Анна	1900	17
Мельзак Игнатий	1889	Екатерина	1891	2
Отодюк Николай	1891	Наталья	1897	6
Ошеницкий Иосиф	1889	Анастасия	1900	11
Пенкала Андрей	1892	Антонина	1898	6
Пунчу Михаил	1892	Акулина	1895	3
Солонтай Михаил	1891	Антонина	1900	9
Фритман Стефан	1890	Антонина	1902	12
Троян Михаил	1893	Агафья	1897	4
Хардукаш Симон	1893	Мария	1898	5
Янкович Франц	1895	Лидия	1899	4

Возрастной мезальянс во многом был следствием того, что рост брачной активности бывших вражеских военнослужащих пришелся на «финальный» период плена – период после большевистского переворота. Новая власть, в конце 1917 г. освободив пленных от «тюремно-лагерного режима», даровать им свободу в полном смысле этого слова не торопилась¹⁹. Ко времени возвращения домой, которое растянулось аж до середины 1920-х гг., Россия для многих военнопленных Первой мировой войны уже перестала быть чужой, поэтому часть их успели обзавестись здесь не только женами, но и детьми. В семье военнопленного Ивана Ковача, к примеру, в 1919 г. родился сын, в семьях военнопленных Стефана Валашека и Яноша Ковача к концу 1921 г. уже имелось по двое детей, а у Карла Салаи – трое²⁰.

Освоение пленными новых ролей – ролей отцов и мужей – стало для многих из них главной причиной отказа от репатриации. «Прошедшие 12 лет в свободной республике, независимой от гнета капитала, показали, что я здесь буду свободным и равноправным гражданином в стране тру-

дящихся. Имея же желание жить и оставаться навсегда здесь, в Российской Федеративной Социалистической Республике, прошу Уральский облисполком зачислить меня в русское гражданство», – писал уже упомянутый военнопленный Яков Шмидт, явно лукавя. Вероятнее всего, предпочесть родине чужбину его заставила отнюдь не классовая сознательность, а наличие жены и четверых детей²¹. Вместе с тем смена пленными их демографического статуса не предполагала обязательного вклада в положительную динамику народонаселения. Подавляющее большинство их к 1925 г. покинуло Россию (СССР), увезя с собой не только жен и детей, но и других «нажитых» на чужбине родственников. «Ввиду того что мои две дочери вышли замуж за австрийских подданных, в настоящее время они со своими мужьями собираются ехать в Австрию. Я лично, их мать, все время слабая женщина, не умеющая зарабатывать себе на жизнь, живу на иждивении моих дочерей. Лично мне остаться здесь совершенно невозможно, они без меня тоже не могут поехать. Я сама вдова, не имею никаких средств к существованию, а потому прошу Пленбеж войти в мое несчастное положение и причислить меня к пленным, имеющим возможность в настоящее время вернуться на родину», – обращалась Рива Абрамовна Сензерлихт в отдел управления Екатеринбургской губернии в июне 1920 г.²² Препятствий для выезда за рубеж тещи бывших военнослужащих австро-венгерской армии Герстмана и Гринфельда местные власти не нашли, позволив счастливому семейству удалиться восвояси²³.

Очевидно, что приведенный и аналогичные ему факты, фиксируемые архивными документами, превращают вопрос о демографическом поведении пленных в еще более запутанный, чем можно было себе представить. В любом случае, будь то случай позитивного или негативного влияния на демографическую статистику, факт этого влияния нередко оказывался основой для сегментации, сегрегации пленных по тем или иным признакам, позволяющим внести в их собирательный образ те или иные коррективы. Задача реконструкции коллективного портрета обезоруженных неприятельских военнослужащих, таким образом, не может сводиться только к воссозданию динамических рядов тех или иных показателей. Помимо того, она предполагает восполнение далеко не полного списка тех черт, которые в большей или меньшей степени были характерны для облика пленных, что требует не только продолжения архивных «раскопок», но и поиска действенных методов прочтения уже введенных в научный оборот источников.

Примечания

¹ Речь идет о показателях, приведенных в сборнике «Россия в Мировой войне 1914–1918 года в цифрах» [Россия в Мировой войне..., 1925]. Опубликованные Центральным статистическим управлением СССР данные ограничивались периодом до 1 февраля 1917 г. и базировались на уже имевшихся в материалах Генерального штаба сведениях, никем дополнительно не уточнявшихся и не проверявшихся.

² Урал. жизнь. 1917. 5 окт.

³ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 24–28, 36–40.

⁴ Другим регионам в этом смысле повезло больше. См., например, документы о переписи пленных в Западной Сибири: Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Ф. 152.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 43, 56.

⁶ См. подробнее работу К. Гинзбург «Приметы: Уликовая парадигма и ее корни» [Гинзбург, 1994, с. 27–61].

⁷ Урал. жизнь. 1915. 19 мая.

⁸ Заурал. край. 1915. 15 окт.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 174–175; Ф. 45. Оп. 1. Д. 275. Л. 68–70; Д. 1040. Л. 284–291, 262–265 об., 258–261; Д. 1044. Л. 51–55 об.; Д. 1100. Л. 29–31; 34–41; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5668. Л. 1–108; Ф. 183. Оп. 1. Д. 70. Л. 167–175 об., 177, 180–205 об., 209–225, 227–230 об.; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 3–4, 6–7, 9–13, Ф. 643. Оп. 3. Д. 1882. Л. 1–4; Оп. 4. Д. 357; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 147–149.

¹⁰ По данным Е. З. Волкова, в 1914–1917 гг. в России в целом умерло 155 тыс. пленных иностранцев, или 6,3% от их общего числа. Однако происхождение этих данных автор никак не комментирует [Волков, 1930, с. 76].

¹¹ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 62; ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 982. Л. 64; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013; 1915. № 1–2. С. 71; 1916. № 1–2. С. 8, 643, № 5–6. С. 533; Урал. жизнь. 1915. 20 февр.

¹² Источник: ГАПК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27. Л. 178–274. Причина смерти приводится точно по источнику.

¹³ Источник: ГАСО. Ф. 20-р. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 31, 259–260; Д. 36. Л. 157, 316; Д. 37. Л. 7, 12, 22, 50, 88, 363; Д. 38. Л. 199, 201, 204, 331. Причина смерти приводится точно по источнику.

¹⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 82. Л. 261.

¹⁵ Перм. вестник Временного правительства. 1917. 16 июня.

¹⁶ Государственный архив в г. Шадринске (далее – ГАШ). Ф. 257-р. Оп. 2. Д. 104. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 124. Л. 6, 6 об.; Д. 187. Л. 1.

¹⁸ Источник: ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 187. Л. 2, 8, 15, 15 об., 17, 17 об.; Д. 202. Л. 41 об.–42; Д. 358. Л. 309, 310, 377; Ф. 1646-р. Оп. 1. Д. 43; ГААО СО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 25299. Л. 6; Д. 29874. Л. 9 [Мукомолов, 2004, с. 291–293].

¹⁹ Правда. 1917. 27 дек.

²⁰ ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 201. Л. 463; Д. 202. Л. 51; Ф. 1646-р. Оп. 1. Д. 40. Л. 37.

²¹ ГАШ. Ф. 257-р. Оп. 2. Д. 187. Л. 1.

²² ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 204. Л. б/н.

²³ Там же.

Библиографический список

Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.

Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12; 1915. № 1–2; 1916. № 1–2, № 5–6.

Гергилева А. И. Военнопленные первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006.

Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Нов. лит. обозрение. 1994. № 8.

Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 25299, 29874.

Государственный архив в г. Шадринске (далее – ГАШ). Ф. 257-р. Оп. 2. Д. 104, 124, 187.

Государственный архив Пермского края. Ф. 65. Оп. 3. Д. 82; Ф. 214. Оп. 1. Д. 16.

Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829; Оп. 26. Д. 43; Ф. 45. Оп. 1. Д. 275, 1044, 1100; Ф. 55. Оп. 1. Д. 982; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5668; Ф. 183. Оп. 1. Д. 70; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738; Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 201, 202, 204; Ф. 643. Оп. 3. Д. 1882; Оп. 4. Д. 357; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Ф. 1646-р. Оп. 1. Д. 40.

Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987.

Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. М., 2004. Кн. 5.

Ниманов Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Пермский вестник Временного правительства. 1917. 16 июня.

Прохоров Б. Б. Здоровье россиян за 100 лет // Человек. 2002. № 2.

Россия в Мировой войне 1914–1918 года в цифрах. М., 1925.

Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Ф. 152.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.10.2011